

«Вся наша жизнь есть служение»

Это утверждение Николай Васильевич Гоголь относил к миссии писателя. Но с полным правом его можно отнести и к миссии учителя: что бы ни происходило в стране и в его личной жизни, учитель каждый день появляется в школе и входит в класс. В этом его долг, его профессиональная обязанность и призвание — в служении детям, своей профессии.

В сложной ситуации проходит это служение, в неопределённости перспектив, в неясности, куда идёт школа. Даже Государственная программа развития образования до 2020 года не даёт полной, чёткой, ясной стратегии, понятной не только управленцам, но и учителям. И приходится работать в условиях постоянной расплывчатости требований, что приводит к нервозности, лихорадочному характеру деятельности школы. Усугубляет это и обилие обрушившихся на школу новых стандартов, требований, положений, новых правовых документов. Только начали осваивать Порядок аттестации работников образования (о чём журнал «НО» рассказал в № 4 за прошлый год), как вот оно — новое Положение об аттестации. Едва начали профессионально осваивать стандарты предыдущего поколения, как на пороге — «ещё более новые». Стандарт — то, с чем приходится работать на каждом уроке. Но как работать, если и эти стандарты по-прежнему размыты, неопределённые и потому трудно реализуемы. Опросы учителей свидетельствуют о том, что многие из них «новые стандарты не понимают» (об одном из таких опросов и ответах педагогов на него — публикуемая в этом номере статья). Да и как понять, что такое новые стандарты, какова их цель, что они оценивают, если читаем такое определение: «Стандарт является основой для разработки примерных основных образовательных программ, разработки программ учебных предметов, организации образовательного процесса в образовательных учреждениях, реализующих основную образовательную программу в соответствии со стандартом...» Что здесь от чего зависит, что первично, а что вторично? Если школа уже реализует основную образовательную программу, то как стандарт может стать основой для её разработки? К тому же стандарт определяет необходимый минимум усвоения программы. А основная образовательная программа рассчитана и на более высокие уровни освоения содержания образования.

Вообще поколенческая череда стандартов, неутрачивающие дискуссии вокруг них вызывают существенные вопросы: почему так происходит? Почему школам приходится работать сегодня с пятым поколением стандартов, перманентно меняющихся? В чём причина — в низком их качестве? Или в том, что при разработке этого важнейшего для школы документа его авторы не учитывают некоторые фундаментальные, основополагающие методологические закономерности, заключённые в самом понятии — «стандарт». Открываем справочники: «Стандарт» — (от англ. standard — норма, образец) в широком смысле слова — образец, эталон, модель... С. как нормативно-технический документ устанавливает комплекс норм, правил, требований» (Советский энциклопедический словарь, изд. «Сов. энциклопедия», 1979.)

А вот определение стандарта в «Российской педагогической энциклопедии»: «Стандарты образовательные — цели обучения и воспитания, обязательные требования к образованию, закреплённые в основных нормативных документах. Процесс стандартизации представляет собой осознанное установление упорядоченных диагностических требований к образованию вместо мнимых и неявных. Соблюдение требований к С.о, особенно диагностичности

описаний, придаёт ему свойство определённости, однозначности, целенаправленности и воспроизводимости, которые делают его стандартом...». Дальше — две страницы пояснений, в том числе и понятия «стандарт деятельности учителя», предполагающий «разработку модели разносторонней личности и точной диагностичности минимальной меры её свойств и качеств...» (М.: Большая российская энциклопедия, 1999).

По поводу последнего пояснения можно только посочувствовать тем, кто будет реализовывать это требование — определять «минимальную меру свойств и качеств личности учителя» (это как: немного честен, «чуть-чуть профессионален»?).

Приблизительно с такой же «чёткостью и определённой» отражает новый стандарт «норму, образец, эталон». Например, в стандарте определения уровня освоения программы по русскому языку много хороших, правильных слов: поддерживать, анализировать, духовность, патриотизм, долг. Но имеет ли это отношение к стандарту — эталону, соответствию которому можно измерить? Чем? Как? По какому критерию? Не уподобляться же учителю нерадивой вожатой (об этом журнал уже писал), которая определяла процент доброты каждого ребёнка по числу его добрых дел?.. Не потому ли и вызывает стандарт отторжение многих учителей? Не потому ли и непонятен им?

Некоторые ответы на эти вопросы прозвучали недавно на очередном занятии межрегионального философско-методологического интернет-семинара (23 марта этого года), который создан при лаборатории философии образования Института теории и истории педагогики РАО (руководитель — заведующий лабораторией, доктор педагогических наук Яков Турбовской). Участники вебинара — работники образования нескольких регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Республика Саха (Якутия), Московская, Липецкая, Новосибирская области и т.д.) обсуждали проблему «Смысловая определённость категориально-го ряда понятий «цель — требования — норма — результат» как методологическая основа стандартизации отечественного образования». В процессе обсуждения его участники выявили причину неопределённости, размытости требований стандарта, что весьма затрудняет его реализацию.

Вот что сказал по этому поводу научный руководитель интернет-семинара Яков Семёнович Турбовской:

— Разработчики стандарта пренебрегли основной закономерностью — смысловой чистотой понятий: цели, ради которой создаётся стандарт, и его содержательного наполнения. В нашей стране есть понятие ГОСТа, содержащего жёсткие нормативные проверяемые требования, обязательные к выполнению. Это гарантия и ответственность государства за качество той продукции, которую оно (в исполнении различных предприятий) предлагает своим гражданам. Значит, и федеральный *государственный* стандарт так же должен соответствовать нормативным требованиям государства. Но что мы видим? В стандарте звучат то и дело такие требования: «нужно», «необходимо», «должны», «будет» и т.д. Имеют ли они отношение к норме, эталону? И можно ли их *проверить* в качестве достигнутого результата? О стандарте в этой ситуации говорить бесполезно...

Такой вывод, прозвучавший на семинаре, вызывает ещё один вопрос: что в образовании подлежит изменению, нормированию, особенно в воспитании, в уровне творческих способностей детей? Почему за те 20 лет, в течение которых то и дело «совершенствуется» стандарт, учёные не пришли на помощь школе, учителям? Судя по всему, ждать помощи от нашего научного штаба — Российской академии образования — не приходится и теперь: РАО реструктурируется, сотрудники научных институтов пребывают в состоянии тревожного ожидания перемен: с кем объединят, закроют или не закроют?.. А что за таким ожиданием — всем хорошо известно. Так что все вопросы и связанные с ними проблемы по-прежнему отданы на откуп «творчеству учителя».

С небольшим временным интервалом на школу обрушился ещё один стандарт — профессиональной деятельности педагога. При внимательном прочтении документа становится очевидным, что и это — некий набор личностных и профессиональных качеств педагога, представляющих в совокупности его идеальный образ. Но, как известно, к идеалу всем нам суждено только стремиться. Достичь же его удавалось

единицам в истории человечества — таким титанам своей «профессиональной деятельности», как Спаситель, как гениальный художник и энциклопедист Леонардо, как Александр Пушкин, Лев Толстой, столпы учёного мира.

Но коль разработан эталон, значит, надо его использовать. И кто-то из Высоких Лиц в федеральном управленческом штабе нашей отрасли примет решение: в соответствии со стандартом деятельности учителя провести, как советует Российская педагогическая энциклопедия, «точную диагностику минимальной меры свойств и качеств разносторонней личности учителя». Трудно даже представить, какой переполох захлестнёт наше образовательное пространство — и диагностируемых, и диагностирующих, которым предстоит точно определить эту «минимальную меру свойств и качеств» учителя. К тому же ещё весьма велик риск, что это приведёт (не дай Господь!) к многочисленным конфликтам в педагогических коллективах по поводу разногласий между означенным идеалом и его воплощением по результатам диагностики.

Будем надеяться, что этот документ останется почётным образцом великолепного трактата об очень благих намерениях двух ведомств — Минобрнауки и Министерства труда и социальной защиты.

Остаётся вопрос: почему государственные документы, по которым работать огромному числу людей, создаются словно специально для того, чтобы *затруднить, осложнить жизнь членов образовательного сообщества*? Не потому ли, что их подготовка ведётся в «отраслевом варианте», отраслевыми силами? Ведь даже Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» представляет собой (простите за резкость!) — некий юридический полуфабрикат. В тексте нового Закона — 240 страниц (М.: Центр «Школьная книга»), а в «Постатейном комментарии» к Закону — 350 страниц (А.А. Кирилловых, М., «Книжный мир», 2013). Но это далеко ещё не весь «круг правового чтения». В Минобрнауки (наверное, и в других ведомствах?) идёт напряжённейшая разработка ещё 159 (!) подзаконных актов, комментирующих Закон. Значит, сами статьи Закона — сырые, рыхлые, приблизительные, если требуют столько подробных толкований, разъяснений. Чтобы только прочесть этот «юридический комплекс», понадобится не менее недели. А статьи хорошо бы и знать — по этому документу (основному для образовательной отрасли!) жить и работать миллионам профессионалов.

...Этот выпуск журнала редакция традиционно посвящает августовским педагогическим конференциям, предлагая обсудить актуальные проблемы на секциях всероссийского педсовета. Поэтому хотелось осмыслить: в какой ситуации работают сегодня школы, вузы, методические учреждения? И сказать по правде, для радости и оптимизма мало оснований. Не только из-за бездарных стандартов, поспешного рамочного Закона, но и... Как бы это точнее и деликатнее выразиться? В нескольких выпусках журнала последнего времени публиковались статьи, рассказывающие о том, как живут сегодня обычная (не элитарная!) школа и обычный учитель. Не столичный, не из мегаполиса, (где всегда «шум, гремят витии, кипит словесная война», а в маленьких или средних городах (которым несть числа), и в сёлах — в той «глубине России», где «вековая тишина»... Вот и в этом выпуске публикуется о том, что доминантное чувство учителя в этом «пространственном секторе» страны — в образовании — безысходность. И даже не столько от нагрузок из-за непродуманных документов, эвереста отчётов, справок, которые отнимают силы впустую. Главное, пожалуй, — в правовом бесправии, как это ни странно при новом многостраничном Законе об образовании, в тотальной нравственной униженности работников образования от того, что профессия государственной значимости низведена до банальной «сферы услуг», что к руководителям школ предъявляют непомерные требования, зная заранее, что они невыполнимы по причине нищеты большинства обычных школ. И сколько бы ни протестовали учителя, учёные, писатели, общественные деятели против этого — всё бесполезно! «Там, наверху» никого не слышат, как будто полуторамиллионная учительская армия в одночасье потеряла голос... Страна совершила недавно социально-политический поступок, перевернувший мировое представление о новой расстановке сил в однополярном мире. Мы давно не были так сплочены единым мнением и из «населения» в считанные дни превратились в народ — сплочённый, ощутивший давно забытый вкус победы... Вспомните, как искренне аплодировала страна

вместе с Советом Федерации, с руководителями регионов энергичной, зрелой, глубоко гуманной речи нашего Президента и его решительной позиции в определении судьбы Крыма. Как торжеству справедливости. Это благодатное гражданское чувство мы испытали благодаря тому, что *страна услышала голос крымчан*. Почему же *голоса педагогической общественности, которая является одной из опор государства, его надёжной скрепой*, не слышат в верхних этажах власти? Ни в коей мере не отношу этот упрек к Президенту. У нас есть своя — отраслевая власть. Почему она не слышит голос учительства, голос интеллигенции — её, власти — опоры? Не потому ли, что в последние десятилетия у образовательной отрасли нет ответственного хозяина? Министры после распада СССР менялись часто, и среди них не было ни одного профессионала в педагогике, в образовании. Из последних ни В.М. Филиппов, ни А.А. Фурсенко, ни Д.В. Ливанов, нигде и никак не проявили себя специалистами в педагогике. Поэтому все их реформы и модернизации носят структурно-организационный характер — дров здесь наломали немеряно. А вот о росте эффективности собственно обучения, или «собственно воспитания» (А.С. Макаренко), мы что-то не слышали. Поэтому вопрос остаётся.

В какой-то мере ответ на этот вопрос дал наш автор — отец Георгий (Шестун) настоятель Троице-Сергиева храма г. Самары, академик РАН, доктор педагогических наук, профессор, автор православного учебника педагогики. Он опубликовал в журнале «НО» (2012 г. № 4) прекрасную статью «Мужчина — глава жизненного порядка в семье и государстве». В статье он приводит мысль А.П. Чехова: «Настоящий мужчина состоит из мужа и чина». И комментирует: чем выше чин, тем выше ответственность человека за порученное ему дело. Таким высоким чином с огромным чувством ответственности был государственный муж — министр просвещения СССР Михаил Алексеевич Прокофьев. В «тоталитарное» время, которым сегодня пугают молодёжь, он смело отстаивал в Центральном комитете партии интересы сельских школ и детей, его аргументы меняли управленческие решения правительства, оказывая влияние на государственную политику в области образования. Даже отдалённо нельзя себе представить, чтобы М.А. Прокофьев сказал о себе, как наш нынешний министр Д.В. Ливанов: «Я всего лишь наёмный работник»... Такого уровня руководитель — не гастарбайтер, помогающий летом горожанам работать на их дачных участках. Очень хотелось бы от министра услышать совсем другое: «За всё, что происходит в образовательной отрасли, — отвечаю я». Совсем иное самочувствие было бы у педагогов и других работников образования при такой позиции руководителя.

Хорошо бы ещё нашему уважаемому образовательному ведомству преодолеть его отчуждённость от подведомственных... В этом выпуске журнала вы прочтёте о том, как действительный член (академик) Российской академии образования М.М. Поташник ходил в Министерство образования и науки... в поисках правды и справедливости. Как безнадежно бродил он по бесконечным «коридорам власти» из одного чиновничьего кабинета в другой в надежде достучаться... нет, не до «должностного» кресла, а до «должностного» сердца. Не достучался! Кончилось тем, что вышел он оттуда с тем же, с чем вошёл и невольно начал напевать про себя куплет из пролетарского гимна: «Никто не даст нам избавленья...». 150 лет тому назад некрасовские русские мужики так же тщетно искали, кому на Руси жить хорошо и покидали «парадный подъезд», повторяя «суди его, Бог, разводя безнадежно руками...»

Мне могут сказать: ну о чём вы? Причём здесь это? При том: общество задыхается от бюрократизма, равнодушия — и к делу своему, и к человеку, ради которого Высокие Лица и поставлены исполнять наше общее дело...

Сколько раз косвенно и прямо, — лично! — журнал обращался и к А.А. Фурсенко, и к нынешнему министру Д.В. Ливанову. Не слышат. Что же говорить об учителях с их настроением безысходности, с их письмами к сильным мира сего?

Предшественник Д.В. Ливанова, бывший министр первого после «тоталитаризма» демократического правительства Э. Днепрова написал в журнале «НО»: «Настойчивое навязывание взгляда на образование лишь как на «сферу услуг» — типичнейшая попытка нашего беспринципного доморощенного «либерального фундаментализма» превратить любую социальную норму в «предмет купли-продажи». И вместе с тем это

ярчайшее свидетельство его нравственной, духовной извращённости, когда долг, обязанность по отношению к собственной стране, народу преподносятся как «услуга». Считая образование «услугой», «товаром», они (либералы — Н.Ц.) не только извращают его гуманистическую природу, но выхолащивают саму социальную суть образования как всеобщего, самоценного блага» (НО. 2005. № 7).

Журнал «НО» не раз возвращался к этой теме, в последний раз — в передовой статье в 4 выпуске за прошлый год. И ни разу — ни разу, уважаемый Дмитрий Викторович! — не получили мы от Вас хотя бы короткий ответ, хотя бы отписку: что Вы думаете об этом? Собираетесь ли менять ситуацию или так и будете продолжать обречать учительство на унижение и чувство безысходности?..

Так и хочется громко сказать: «Меньше бюрократизма, господа руководители! Больше здравого смысла, внимания и сердечности к тем, кем вы взялись управлять!» И так хочется, чтобы это было не только «по найму», а по профессиональному интересу, увлечению и по страстному желанию реально улучшить дело, дать учителям и руководителям школ возможность полноценно заниматься их любимой профессией — учить и воспитывать подрастающих граждан страны. Ведь все мы: и министр образования, и учитель начальной школы делаем одно дело. Разница в нашем служении ему только в одном — *в масштабе ответственности.*

Напрасно мысль Н.В. Гоголя, вынесенную в заголовок статьи, я отнесла только к учителям. Россия сегодня от каждого ждёт *служения*. Когда оно станет жизненной потребностью каждого чиновника — любого уровня (хотя бы его большинства), — наша отрасль, давшая сотням тысяч граждан одну из самых нужных и прекрасных профессий, освободится от коррупции, от лежачих, списывающих и покупающих «научные исследования», от бездушных официальных отписок, смысл которых — «в огороде — бузина, а в Киеве — дядько...»

И, поверьте: качество образования детей и образованности народа неизмеримо возрастёт, потому что педагогика — это прежде всего общение ребёнка со взрослым. Не с униженным, оскорблённым, живущим с чувством безысходности. А с уверенным, распрямлённым, живущим с осознанием сегодняшней и завтрашней радости взрослым. С учителем, посвятившим жизнь служению детям.

Бюрократизм опасен ещё и тем, что лукаво подменяет понятия, дабы представить реальность в ином, нужном ему свете. За последние годы появилось такое явление, как некие управленческие эвфемизмы (по словарю — не прямое, смягчённое выражение вместо резкого. Например, вместо «толстый человек» говорят «полноватый» мужчина). Сегодня в пору составлять небольшой ведомственный «толковый словарь», позволяющий перевести управленческий язык с его зашифрованными понятиями (по большому счёту — разновидностью обмана общества) на простой русский язык, отражающий реальность.

Итак:

1. «Реструктуризация образовательных учреждений, расположенных в сельской местности» означает:
 - закрытие 17,5 тысяч сельских школ. Тысячи учителей лишились работы, тысячи одних деревень обезлюдели, в других детей возят в соседние сёла жёлтые автобусы. В итоге руководители отрасли не подвели итоги реструктуризации, не сообщили, к чему она привела экономически, социокультурно, повысилось ли качество образования школьников и как сказалась на здоровье детей (а это, в основном, дети младшего и среднего школьного возраста), *ежедневная дорожная усталость*;
 - оценка реструктуризации: «негативных последствий больше, чем позитивных» (<http://centaregion.ru/37221>).
2. «Оптимизация бюджетных расходов» — это:
 - сокращение штатов школ, увольнение школьных психологов и социальных педагогов — основных специалистов, активно создающих условия для обеспечения социально-психологической безопасности детей и молодёжи;
 - увольнение школьных библиотекарей (это при том, что современные дети в большинстве своём не читают книг, активно дебилизируются с помощью ТВ-программ).

«**Вся наша жизнь есть служение**»

3. «*Совершенствование управления отраслью, модернизация образования*» означает:

- насильственное механистичное объединение школ и детских садов в «образовательные комплексы со структурными подразделениями»;
- появление новой должности и новой языковой единицы — «рукструкт». Означает — «руководитель структурного подразделения образовательного комплекса». Можно считать «рукструктов» достойным лингвистическим дополнением «мудодов» и «моусошников» (от русск. МОУСОШ, устаревшее — «школа»);
- предлагается ввести ещё должность «муниципального директора», отвечающего за работу всех школ микрорайона.

К чему всё это приведёт, — об этом никто не думает, с прогностическим и вероятностным мышлением у бюрократии туговато.

4. «*Подушевое финансирование*»:

- непосильная интенсификация труда учителя. Поскольку «деньги идут за учеником», школы стремятся к увеличению контингента (в больших городах). В результате наполняемость классов возросла до 36–37 учащихся. Нагрузка на учителя увеличилась до 36–40 часов. В московской школе в этом учебном году произошла трагедия: на уроке физкультуры умер опытный педагог. Его нагрузка составляла 50 часов в неделю. Сердце не выдержало. Хорошо, что второклассники не успели войти в бассейн...

5. «*Связь с общественностью*», проявляется так:

- «Нéчего писать в Москву!» — строжайшее напутствие тому, кто осмелился это сделать;
- увольнение «без объяснения причин».

6. «*Модернизация методических служб*» (в столичном регионе) означает:

- закрытие окружных методических центров — вариативных с различными функциями, удовлетворяющими различные потребности учителей, оказывающими помощь им в преодолении профессиональных затруднений;
- сокращение сотен квалифицированных методистов (различной профессиональной направленности). И это в то время, когда учителя особенно нуждаются в помощи в связи с новыми стандартами, новыми правилами аттестации.
- создание единого московского методического центра-монстра, который обслуживает теперь полторы тысячи школ... Сколько это учителей?

Список можно продолжать.

...Учебный год подходит к концу. Впереди — короткая четверть, экзамены, и — долгожданный отпуск. А там — снова в режиме pop stor — новый учебный год, которому предшествует всероссийский августовский педсовет. От образовательного сообщества во многом зависит, каким он будет — скучным перечислением количества интерактивных досок в школах, числа детских побед на предметных олимпиадах или *откровенным диалогом учительства с руководителями и образования, и властных структур региона и муниципалитета*. Попробуйте провести такой диалог — поделиться своими бедами и добиться от руководителей ответа: как они собираются улучшать условия учительского труда для повышения качества образования? Такое содержание августовской конференции поможет снять напряжение, даст надежду, улучшит дело. А вдобавок покажет: кто руководит образованием в регионе, в муниципалитете — наёмный работник или человек, для которого в служении — честь и достоинство профессионала и гражданина.

Что же касается опоры в преодолении профессиональных и жизненных трудностей, то будем искать её в детях, в служении педагогической профессии — мессианской в своей сущности, назначение которой — послание в будущее...

Нина Ивановна Целищева,
почётный работник общего образования